

Впрочем, все названные ошибки хотя и досадны, но не носят принципиального характера. Более серьезны, на мой взгляд, просчеты иного рода. Необходимо сказать, что «Предметный указатель» создавался компьютером на основе опорных понятий (слов), которые составители библиографии дают в квадратных скобках рядом с каждой статьей (так называемый контент-анализ). Работа такого рода требует большого внимания и, главное, единства подхода к описываемому материалу. Может случиться, что два человека, описывающие одну и ту же статью, в скобках укажут разные понятия (или же выразят эти понятия разными лексемами). В результате предметный указатель будет неполон. К тому же составители рассматриваемой библиографии почему-то отказались от описания указанных способом рецензий, опубликованных в журнале. Это также обеднило «Предметный указатель».

Например, к понятию «былины» здесь даны три работы: «Русский полифонический эпос» Б. Нетла и Р. Роздольского, «Ярослав Мудрый в восточнославянской эпической поэзии» Д. Чижевского и «Баллады-былины, записанные на юге Ладожского бассейна» Р. Якобсона. К этому же гнезду явно следовало присоединить названные выше рецензии на сборник былин М. С. Крюковой и антологию А. М. Астаховой «Илья Муромец». В гнездо «Советский Союз» не включены рецензии на труды советских ученых, о которых мы уже говорили. Таким образом, круг работ, посвященных русскому фольклору, напечатанных на страницах JAF, в «Предметном указателе» формально оказался суженным.

Определенные просчеты и недостатки присущи почти всем библиографическим пособиям. Однако библиографии оцениваются по имеющимся в них достоинствам, а они в рецензируемой книге, как мы уже отмечали, превалируют над ошибками. Без сомнения, библиография «Journal of American Folklore» сыграет важную роль в развитии фольклористики.

Т. Г. Иванова

Примечания

¹ Землянова Л. М. Современная американская фольклористика: Теоретические направления и тенденции. М., 1975. С. 9—11, 21—26, 29—31, 36—40; см. также *ее же*. Современная буржуазная фольклористика (Методологические проблемы и идеологическая борьба). М., 1982.

² Владимирцев В. П. «Journal of American Folklore» (США) о поэтике фольклорных отражений в художественной литературе (1956—1970 гг.) // Русский фольклор: Проблемы художественной формы. Л., 1974. Т. XIV. С. 291—299.

³ См. о нем: Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. С. 68—103.

⁴ См. о нем: Налепин А. Л., Палиевский М. Т. Загадочный посетитель Ясной Поляны, или Американец в России // Лит. учеба. 1985. № 3. С. 184—193.

⁵ См. о нем: Землянова Л. М. Современная американская фольклористика. С. 122—137.

⁶ См. там же. С. 191—211; Налепин А. Л. Изучение проблем историзма в американской фольклористике: (Критический анализ) // Фольклор: Проблемы историзма. М., 1988. С. 55—60.

⁷ Землянова Л. М. Современная американская фольклористика. С. 158—168.

⁸ Там же. С. 169—174.

⁹ Там же. С. 96—99. См. также: Аверкиева Ю. П. Указ. раб. С. 121—144.

¹⁰ Ср. с указанием на имя В. Я. Проппа. Оно дано единожды в форме Propp Vladimir J., хотя в статьях дается то как Vladimir Propp, то как V. Ja. Propp.

НАРОДЫ СССР

©1990 г.

А. Г. Булатова. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX—начале XX века. Л., 1988. 199 с.

Исследование традиционных обычаев и обрядов разных народов — одна из актуальнейших задач этнографии. Причина оживления интереса к этой тематике среди этнографов, фольклористов, социологов, религиоведов коренится в растущем общественном интересе к этническим и национальным культурным традициям. Стремление к возрождению культурного и языкового наследия больших и малых народов, входящих в состав СССР, пробуждение их самосознания становится фактом государственной политики. Сохранение самобытности складывавшихся веками обычаев и обрядов во всей их красочности и разнообразии предполагает изучение происхождения и развития традиционных празднеств, их мировоззренческих, развлекательных и игровых элементов. В жизни любого народа значение праздника огромно. По словам М. М. Бахтина, обрядово-зрелищные смеховые формы, распространенные во всех странах средневековья и дожившие в видоизмененном виде до наших дней, оживляют «связь со сменой времен года, с солнечными и лунными фазами, со смертью и обновлением растительности, со сменой земледельческих циклов. В этой смене положительно акцентировался момент нового, наступающего, обновляющегося»¹.

Необходимость интенсивного изучения праздничной культуры диктуется и тем печальным обстоя-

ятельством, что архаические обычаи и обряды сохранились в реликтовом виде и исчезают на глазах². Это ведет к нивелировке, обезличиванию национальных культур, в конечном счете к обеднению представлений о духовной культуре в масштабах мирового сообщества. Воссоздание традиционных празднеств на новой основе — одна из благородных задач в деле возрождения духовных начал в жизни общества.

Значение монографии А. Г. Булатова трудно переоценить, ибо многообразие и смысловая насыщенность народных праздников на территории Дагестанской АССР исключительно: ведь республика объединяет около 40 различных по языкам и культуре народов. Географические условия Дагестана, «страны гор и горы языков», изобилующей высокогорными долинами, отделенными друг от друга глубокими ущельями, способствовали консервации древних ритуалов и их локальных особенностей даже в пределах одного аула. Дагестан является своеобразным заповедником для продуктивной работы этнографа, которую А. Г. Булатова выполнила с исключительной добросовестностью. Разумеется, тема еще далеко не исчерпана, и необходимость продолжать исследования не подлежит сомнению.

Книга написана на обширном материале: на полевых наблюдениях, собранных автором в течение 1961—1987 гг., описаниях путешественников и русских военных чиновников XIX в., публикациях местных исследователей, языковых и фольклорных материалах, собранных в поле или хранящихся в рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. В результате впервые в кавказоведении создан комплексный труд, где систематизированы и обобщены материалы о праздничной жизни народов Дагестана.

Излишне пересказывать содержание монографии. Укажу только, что она состоит из двух главных разделов: «Общественные (календарные) праздники» и «Семейные праздники и обряды». Между теми и другими, как показано автором, существовало много общего. Остановлюсь только на основных проблемах, так как конкретика в работе А. Г. Булатовой сочетается с теоретическими и историко-культурными обобщениями.

1. Налицо общность сезонных праздников у народов Дагестана, включивших множество однородных магических действий продуцирующего, очистительного и апотропейного характера. Обряды весеннего, весенне-летнего и летне-осеннего циклов, возникшие в эпоху производящего хозяйства, были одинаково направлены на обеспечение обильного урожая, плодородия скота, благополучия людей — их здоровья (связанного с поверьями в козни демонов) и удачи во всех делах. Выявляется стадийная близость у народов Дагестана земледельческой магии и аграрных культов, обрядов, направленных на приумножение скота, эротических черт в календарных и свадебных обычаях, форм почитания солнца и огня, священной воды и камней, а также примет и гаданий. Памятники археологии и средневековые исторические известия свидетельствуют о глубокой древности пережиточных ритуалов. Так устанавливаются закономерности возникновения, бытования и исторической трансформации обычаев и обрядов в пределах обширного региона, их удивительная устойчивость.

2. А. Г. Булатова отмечает, что почти в каждом селении и у каждого народа существовали свои варианты обрядов. Не только в разных этнических общностях, но и в каждой сельской общине праздничные ритуалы сохраняли оригинальные черты. Локальные различия зависели от природно-климатических зон и, следовательно, занятий населения. Предгорная зона с мягким климатом и окруженные горами долины благоприятствовали земледелию и садоводству, в том числе террасному. В горной и высокогорной зоне с ее суровым климатом и альпийскими лугами развивалось скотоводство. Естественно, что празднества сбора винограда и приготовления молодого вина отмечали в виноградарских селениях горно-долинной и плоскостной части Дагестана (аварцы, даргинцы-кайтгацы, табасаранцы, с. 93, 94), а праздники, связанные с перегоном животных на сезонные пастбища и приумножением стада, типичны для горцев.

3. На примере исследования А. Г. Булатова отчетливо выявляет типологическое родство праздничной культуры народов Евразии. Она принимала сходные формы во многих государствах в периоды, предшествовавшие становлению развитых и сложных религиозно-философских систем. Дагестанские обычаи и обряды обнаруживают родство с ритуалами Закавказья и Средней Азии, переднеазиатского мира, Восточной и Западной Европы. Близкие обрядово-зрелищные комплексы, связанные с поклонением стихийным силам природы и с жизненным циклом, возникали у разных народов независимо друг от друга, они были этнически неспецифичны ввиду закономерной связи между сходными формами трудовой деятельности и формами мировоззрения. Иногда в точности совпадают вещественная атрибутика, растительные, звериные и антропоморфные символы, способы гаданий о будущем и т. д. Таковы круговые танцы (у аварцев, лакцев, даргинцев-сюргинцев, с. 166—168), восходящие к культу солнца и полной луны и не порывавшие с аграрной магией. Повсеместно символами плодородия и возрождения природы служили крашенные яйца, обрядовая пища (злаково-бобовые блюда), ритуальный хлеб, хлебцы в виде животных, птиц или антропоморфные (лакцы, лакцы-кумухцы, с. 21, 22). Вера в целительную и очистительную силу огня-солнца воплощалась в сходных обычаях на огромных территориях. Таковы священные костры и прыжки через них, сжигание 22 марта на сельской площади тряпья и изношенной обуви, скатывание с гор деревянных колес с зажженными спицами — обычай, хорошо известный и у славян. Очень широко был распространен и праздник первой борозды, сохранивший в Дагестане много местных деталей. Диалектика единства и многообразия служит одной из теоретических основ рецензируемого исследования.

Локальные черты в праздничных обычаях прослеживаются автором даже в пределах сельской общины, не говоря уже о разных народностях. Так, в день прихода весны — Навруз гадание перед зеркалами о суженых, аналогичное новогодним гаданиям у русских, практиковали лезгинские и лакские девушки (с. 25). Особую распространенность Навруза среди народов Южного Дагестана (лезгин, табасаранцев, рутульцев, агулов, цахурцев, а также лакцев) А. Г. Булатова связывает с влиянием зороастрийской традиции сасанидского Ирана, наслонившейся на более древние местные

языческие представления. Старое постепенно приспосабливалось к воздействию нового, происхождение и развитие обычаев и обрядов рассматриваются в конкретном историческом контексте (с. 18, 19).

4. Традиционные народные праздники включили наслоения разных эпох, что наглядно прослежено автором книги на дагестанском материале. Приведу только несколько примеров.

К глубокой древности восходит ряжение, впитавшее мощные пласты доисламских представлений. К ранним формам религии можно отнести употребление зооморфных масок: в аваро-андоидийских языках ряженных называли медведями и волками, в лакском языке — козлами. В верованиях первобытных охотников, в тотемизме и «оборотнической логике» преобладали представления о родстве человека и зверя. В период земледельческо-скотоводческого хозяйства на празднествах аграрного календаря и в свадебных обычаях «звериное ряжение» связывалось с культами умирающих и воскресающих духов (богов) плодородия, с магическим обеспечением брачной паре материального благополучия и потомства. Его цель — гарантировать сельскому хозяйству и семье покровительство высших существ — носителей жизненной силы. Ряженных почитали зооморфными или антропоморфными воплощениями божеств, дарующих плодородие. Обрядовое преобразование в животное или существо, обвязанное травой (параллели в европейской весенней обрядности — «зеленый человек», «Джек в зелени», «зеленый Юрий», «дикий человек» и др.), было призвано обеспечить изобилие магическими средствами. Инсценировка убийства (страстей) ряженного с его последующим оживлением — полубабытое в XIX в. таинство. Имитируя процессы круговорота года, оно было ориентировано на обеспечение земного изобилия, в частности в ритуалах вызывания дождя (с. 71, 85).

Другой пример: реликтовая фигура «шаха» со своей шутовской свитой, в позднем значении лишь устроителя и распорядителя праздника, наделавшегося на время торжества всеми полномочиями. Театрализация «шахского действия», его чисто игровое переосмысление не заслоняют архаической семантики ритуала. «Низложение с престола» и пленение шаха, этого комического персонажа, средоточия ритуального смеха, сущность которого глубоко выявлена В. Я. Проппом³, не оставляют сомнения в том, что в основе образа лежит идея смерти и обновления природы, тления и произрастания. В гротескной фигуре карнавального шаха или хана, подобно «майскому» или «бобовому королю» в западноевропейской обрядности, отразились выработанные веками обычаи веселых проводов-похорон зимы и ликующих встреч весны. Некогда это был акт реального убийства-жертвоприношения царя-раба или состарившегося вождя, как показано в классическом труде Дж. Дж. Фрэзера⁴. В поздней обрядности «шахская игра» стала увеселительной потехой, первичный смысл которой постепенно забылся.

В ту же знаковую систему входит вынесенное на праздничную площадь дерево, украшенное плодами земными — яблоками, орехами, крашеными яйцами, печеным в масле хинкалом. Иногда пространство вокруг деревьев, заменявшего шаха (у рутульцев оно стояло рядом с ведущим-«хозяйном» и само называлось «шах»), становилось средоточием танцев, шутильных потасовок ряженных, стремившихся сорвать его «плоды». Как справедливо отмечает А. Г. Булатова, дерево, увешанное дарами, фигурировало и в календарной обрядности (в европейской традиции — «майское дерево»), и в свадебной. Так, у части лакцев, аварцев, даргинцев дерево, обвешанное яствами, приготавливаемыми хозяином дома, где находился жених, ставили около тамады (с. 155). Таким образом, древнее космологическое древо жизни, связующее все части мироздания, в период производящего хозяйства стало символизировать будущий обильный урожай, плодородие скота, человеческую плодотворность. На поздних стадиях обряда магическое подвешивание атрибутов изобилия к «живому дереву» превратилось в простую забаву.

5. В своей книге А. Г. Булатова неоднократно останавливается на сложной проблеме взаимоотношений ислама и традиционной мифологии. На ряде примеров автор показывает, как в праздничном поведении людей, приверженных магии, бессознательно смешивалась архаическая языческая практика с установлениями ислама. Причем одно отнюдь не противоречило другому. Ревностное исполнение действий и молений, направленных на контакт с силами природы, сводилось к обеспечению насущных потребностей общины и человека, ощущавших себя частицей природного круговорота. Вопреки теологической ортодоксии ислама народ не видел в своих увеселениях ничего противоречащего истинному благочестию. Традиционные обряды и суеверия, имевшие очень глубокие корни, отличались от книжного богословия видных мыслителей ислама, они впитали элементы анимизма, хтонических и иных культов. Создавался специфический тип сознания, религиозно-магический синкретизм, адаптировавший языческие празднества и приспособившийся к официальным мусульманским догмам. Сходные процессы адаптации древних верований и обрядов к новым требованиям происходили у других народов после принятия христианства (русское «двоеверие»). Мусульманские сказания о святых накладывались на языческие обычаи, связанные с культами плодородия, древнейшие поверья представляли в исламизированной форме: распорядителями празднеств выступали муллы и кадин, звучали молитвы из Корана. Еще в XIX в. у кайтагцев и табасаранцев отмечали празднества сбора винограда, хотя в идеологии ислама один из главных запретов касался употребления вина.

Замечания по рецензируемой работе немногочисленны. На мой взгляд, требует дополнительного обоснования принимаемый в нашей литературе как аксиома тезис о происхождении религии как следствии бессилия человека перед природой, незнания объективных законов ее развития. На современном уровне цивилизации можно скорее говорить о бессилии природы перед людьми, но это не сопровождается упадком не только мировых религий, но и самых примитивных суеверий вполне иррационального характера. Но рассмотрение этой сложнейшей проблемы, о которой вскользь сказано во введении, разумеется, не входило в задачу автора. Не совсем удачен термин «безрелигиоз-

ные» праздники, так как они могли стать таковыми только в недавнее время. То же относится к праздникам «трудовым» и «спортивным».

В монографии А. Г. Булатовой еще раз утверждается огромная роль праздника в истории человечества. Изучение традиционных празднеств горного Дагестана во всем богатстве и красочности их зрелишно-обрядовых форм, их эстетики, архаических черт, уже утраченных в повседневной жизни, позволяет проникнуть в глубинные пласты сознания и эмоциональный мир народов, всесторонне представить их духовную культуру в историческом развитии.

В. П. Даркевич

Примечания

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 90—91.

² Самые значительные сводные исследования по календарной обрядности, вышедшие за последние годы: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973; *то же*: Весенние праздники. М., 1977; *то же*: Летне-осенние праздники. М., 1979; *то же*: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX — начало XX в. М., 1979.

³ Пропп В. Я. Ритуальный смех в фольклоре: по поводу сказки о Несмеяне // Фольклор и действительность. М., 1976.

⁴ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Е. А. Шервуд. От англосаксов к англичанам (К проблеме формирования английского народа). М., 1988. 240 с.

В 80-х годах в СССР наблюдается оживление интереса к изучению этнопсихологии как в генетическом, так и в фундаментальном аспекте. Это касается анализа современных зарубежных этнопсихологических исследований (психологической антропологии), изучения формирования самосознания этноса в историческом аспекте, а также разнообразных подходов к анализу психологических особенностей функционирования и воспроизводства этнических общностей различного уровня, существующих в настоящее время в СССР.

Фундаментальное значение в разработке формирования самосознания имеет рецензируемая книга Е. А. Шервуд. Основной объект ее исследования — развитие языковых форм «для раскрытия этнического сознания тех обществ, которые находятся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу» (с. 18). Основная цель монографии — на примере «использования теории стратификационного и ситуативного измерений языка с учетом социальной ситуации, а также социальной структуры общества... проследить развитие у англосаксов этнического самосознания» (с. 19). В переходную эпоху от одной формации к другой обществу свойственна изменчивость социальных структур, которые получают отражение в языковых выражениях. Это обстоятельство дает возможность анализировать процесс формирования самосознания этноса, опираясь на объективированные формы сознания. Для решения поставленной задачи автор привлекает данные социолингвистики («этнография речи», «этнография коммуникации»), основателями которых были Ф. Боас и Э. Сэпир. Немаловажно то обстоятельство, что последние внесли существенный вклад в развитие этнопсихологии в США. В чем видели смысл социолингвистического подхода его создатели? По мнению Э. Сэпира, «если мы хотим, чтобы грамматика внесла существенный вклад в наше понимание человеческого поведения, необходимо, чтобы ее определения, категории и классификации могли быть переформулированы в терминах социальной психологии, которая предпринимает смелую попытку вернуть все модели культуры в живой контекст... прежде всего в социальную матрицу»¹.

Работа Е. А. Шервуд во многом выполняет задачу содержательного, а не абстрактно-семиотического, дескриптивного анализа языковых выражений, их роли в становлении самосознания англосаксонского этноса. Автор не подменяет анализ сложнейшей проблемы вульгарной экстраполяцией феноменологических результатов, полученных в процессе непосредственного наблюдения существующих традиционных обществ. Она пытается шаг за шагом установить на основе изучения эволюции языковых выражений, как же англосаксы VIII в. ощущали себя в мире, какова была их внутренняя духовная жизнь и что для них означало стать англичанами. Для исследования психологического и личностного содержания автор привлекает эпическую поэму «Беовульф», справедливо полагая, что «любое художественное произведение... служит познанию эмоциональной стороны человеческой действительности» (с. 47). Изучение особенностей самосознания англосаксов